

Постсоветское пространство: политика и право

Вопросы для обсуждения:

1. Объективные и субъективные причины дезинтеграции советского пространства; перенос процесса на Российскую Федерацию и сопредельные страны. Проблемы необратимости распада (вовлечение в орбиту влияния других цивилизационных центров, а регионов РФ — в орбиту влияния сопредельных стран).
2. Государственное строительство. Грани федерализма и сепаратизма, проблема устойчивости государственно-политических образований.
3. Эволюция, основные тенденции типологии политических режимов. Проблемы взаимозависимости и внешнего влияния.
4. Проблемы развития права и закона на постсоветском пространстве, преобразование властных вертикалей и горизонталей, перераспределения прав и ответственности, правовые аспекты политических режимов.
5. Перспективы развития постсоветского пространства: условия, факторы, формы, качественные характеристики. Временной, геополитический и этнополитический факторы.

Ведущий -декан факультета политической науки Московской высшей

школы социальных и экономических наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор Б.Г.Капустин

А. Ф. ФИЛИППОВ,
кандидат философских наук,
Институт социологии РАН, "Социологический журнал"

О понятии социального пространства

Нередко можно встретить утверждение, что пространству в социологической литературе уделяется недостаточно внимания¹. Это утверждение до известной степени опро-

¹ Таков один из тезисов в известной книге Э.Сэйера (*Sayer A. Method in Social Science. A realist approach. L.; N.Y., 1992*). В его книге содержатся также важные методологические рассуждения о значении пространства для социальной теории). "Аналогичные утверждения — причем гораздо раньше — прозвучали в "Социологии абсурда" Лаймена и Скотта (*Lyman S.M., Scott M.B. Territoriality: A neglected sociological problem // Dies. A Sociology of the Absurd. N.Y., 1970. P. 89—109*), обвинивших социологию в пренебрежении "территориальностью". Эту позицию с давних пор отстаивает и Дж.Урри "Что касается пространственного, то социология (не считая специалистов по урбанистике) чаще всего уделяла недостаточное внимание тому обстоятельству, что социальные практики моделированы по пространственным образцам (patterned) и что эти образцы существенным образом воздействуют на эти самые социальные практики" (*Urry J. Consuming Places. L., 1995. P. 64*). В связи с социологией пространства Г.Зиммеля об этом же говорит Ф.Лехнер: "В принципе, конечно, социологи знают, что действие размещено в пространстве, что у групп и институтов есть "место". Но все еще справедливо будет сказать, что значение пространства для дисциплины в общем и целом с самого начала было периферийным" (*Lechner F J. Simmel on Social Space // Simmel G. Critical Assessments / Ed. D.Fnsby. Vol. 3. L.; N.Y., 1994. P. 96—101 (Zuerst in: Theory, Culture and Society, 1991. Vol. 8. P. 195—201)*).

вергается самой частотой таких констатаций: очевидно, что определенный сдвиг все-таки происходит. Среди авторитетных концепций выделяется подход Э.Гидденса, который пишет о социальном взаимодействии в пространстве и времени¹. При этом Гидденс значительное внимание уделяет не столько пространству как таковому, сколько "территориальности": "личной территориальности"² и значению территории в социологии современного государства³. Кроме того, он пишет также о глобализации⁴ — современной тенденции, которая релятивирует самую эту территориальность. В английской социологии достаточно плодотворным оказалось также взаимопроникновение социологии и географии⁵.

Среди других социологов, занимающихся ныне проблемой пространства, следует отметить Р.Коллинза, выстраивающего шкалу взаимодействий от микроуровня до макроуровня⁶ и в последние годы все больше внимания уделяющего геополитике⁷. На основе работ Гофмана, Гидденса и Коллинза строит свою синтетическую концепцию Дж.Тернер⁸.

Однако в целом ситуация еще действительно далека от того, чтобы считать, будто для большинства социологов пространство представляет собой само собой разумеющееся измерение социальности, а его изучение — безусловно достойную тему социологических исследований. Дело, видимо, заключается в том, что социологические понятия, в основном, сконструированы (начиная

¹ Самое подробное изложение — в "Конституции общества" (*Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984*).

² Здесь важную роль играет переосмысление концепции И.Гофмана (*Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, 1987. P. 109—140*).

³ *Giddens A. The Nation-State and Violence. Volume Two of A Contemporary Critique of Historical Materialism. Cambridge, 1985*.

⁴ *Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1991; Idem. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991*.

⁵ Оно принимает самые разные виды. Огромное влияние имеет многократно переизданная не столько даже социологическая, сколько социально-философская работа Лефевра "Производство пространства" (*Lefebvre H. The Production of Space/Translated Donald Nicholson-Smith. Oxford UK; Cambridge USA, 1991*). Весьма ценный сборник, "Социальные отношения и пространственные структуры", во многом изменивший интеллектуальный климат, был издан в 1985 г. (*Special Relations and Social Structures / Ed. D.Gregory, J.Urry. L., 1985*). В то же время совершенно новаторская работа Б.Верлена, вышедшая двумя изданиями в Германии и с недавних пор доступная в английском переводе (*Werlen B. Society, Action and Space. An Alternative Human Geography. L.; N.Y., 1993*) практически не нашла никакого отклика.

⁶ *Collins R. Sociology since Midcentury. Essays in Theory Cumulation. N.Y.; etc., 1981; Idem. Theoretical Sociology. San Diego; etc., 1988*.

⁷ *Collins R. Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse // AJS 1995, Vol. 100, N 6. May. P. 1552—1593*.

⁸ *Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // THESIS. 1994. № 4. Научный метод. С. 119—157; Turner J.H. Analytical Theorizing // Social Theory Today/ Ed. A.Giddens, J.H.Turner. Stanford (Cal.), 1988. P. 156—194*.

эпохиклассической социологии) безотносительно к пространству¹. Пространство (как молчаливо предполагается) не имеет значения ни для социального действия, ни для ценностей и норм, потребностей или установок, ни для социализации, ни для понимания, ни для обыденных типизаций. Характерно высказывание П.Бергера и Т.Лукмана в "Социальной конструкции реальности": "Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет социальное измерение благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей. Гораздо важнее для нашей цели временная структура"².

Еще более решительно был настроен Т.Парсонс в своем первом большом труде "Структура социального действия": "Физическое время есть способ соотнесения событий в пространстве, время действия — способ связи средств и целей и других элементов действия... Действие не-пространственно, но временно"³.

Парсонс, разумеется, отдавал себе отчет в том, что действуют живые люди, телесные существа. Но для него важно другое: "Конечно, нет такого эмпирического "Я", которое бы не было "аспектом" живого биологического организма или не было бы "ассоциировано" с ним. Следовательно, события действия суть всегда события во времени, "случающиеся" с физическими телами или предполагающие их. Таким образом, нет никаких конкретных действий, к которым не была бы приложима категория пространства. Но в то же время эта категория нерелевантна для теории действия, рассматриваемого как аналитическая система, что, конечно, предполагает, что "акционный" аспект конкретных феноменов их никогда не исчерпывает"⁴.

Это связано с концептуализацией тела, ибо "тело действующего точно так же образует для него часть ситуации действия, как и внешняя окружающая среда"⁵. Позже Парсонс, как известно, специально анализировал значение пространства на уровне социальной системы и ввел важные понятия "территориальности" и "резидентного размещения"⁶. Однако все "пространственные" аспекты социальности остаются у него все-таки совершенно особой обла-

¹ Это не относится, конечно, ни к положениям "социальной морфологии" Дюркгейма, ни к замечательной "социологии пространства" Зиммеля, ни к социальной экологии Р.Э.Парка. Характерно, однако, то обстоятельство, что все это остается на долгое время вне того, что принято называть "mainstream" социологии.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

³ Parsons T. The Structure of Social Action. N.Y.; L., 1937. P. 736.

⁴ Ibid. P. 45.

⁵ Ibid. P. 47.

⁶ Parsons T. The Social System Glencoe, 1951.

тью рассуждений, далеко не самой фундаментальной в рамках его общей концепции.

Обратимся к теориям Н.Лумана и Ю.Хабермаса. По отношению к понятию социальной системы, как оно сформулировано Луманом¹, вопрос о том, "где" находится та или иная из них (если не считать, конечно, территориальной определенности политических систем и тесно связанных с ними систем воспитания) представляется вообще некорректным. Для Хабермаса то же самое будет справедливым по отношению к любому из его ключевых понятий, будь то "дискурс", "система" или "жизненный мир". В социологии П.Бурдьё большую роль играет "социальное пространство", однако это понятие уводит нас довольно далеко от пространства физического. Очень трудно установить, где то место, в котором размещается "социальный класс" или "поле"².

Этих немногих примеров достаточно, чтобы установить, примерно, удельный вес пространственно ориентированных и непространственно ориентированных концепций в социологии. Первых явно меньше. Совершенно очевидно, что за этой ситуацией, представить которую мы попытались в самом общем виде, стоит нечто большее, чем просто небрежение одних и сознательный выбор других. Дело в том, что пространство есть вмещилище тел, и социолог только в том случае обращает внимание на пространство, если для него важен телесный аспект социальности. Когда речь идет о конкретных исследованиях, "забвение" телесности кажется почти невозможным. Мы изучаем людей, которые так или

¹ До сих пор лучшим следует считать его изложение в книге "Социальные системы. Очерк общей теории" (*Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie.* Frankfurt a.M., 1984).

² Вот типичное высказывание Бурдьё: «Самый факт, что описанное здесь социальное пространство может быть представлено как диаграмма, указывает на то, что это — абстрактное представление, рационально сконструированное, подобно карте, чтобы дать обширную панораму, точку зрения на всю совокупность точек, с которых обычные агенты (включая социолога и его читателей, в их обычном поведении) усматривают социальный мир. Одновременно, в пределах одного взгляда (и в этом его эвристическая ценность), собирая позиции, которые агенты никогда не смогли бы постигнуть в их тотальности и многочисленных взаимоотношениях, социальное пространство относительно практического пространства повседневной жизни, с его дистанциями, которые сохраняются и о которых сигнализируют, и соседями, которые могут быть более удаленными, чем чужаки [это пространство], есть то же самое, чем геометрическое пространство является относительно "пространства путешествий" обычного опыта, с его пропастями и разрывами непрерывности" (*Bourdieu P. Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste: Translated Richard Nice. L.; etc., 1984. P.169*). Недаром он конструирует трехмерное пространство, измерениями которого являются "объем капитала, состав капитала и изменения этих двух свойств со временем" (*Ibid. P. 114*). Если Бурдьё и ведет речь о физических измерениях социального пространства, то, кажется, как правило, только о дорефлексивном опыте тела в обозримом пространстве примитивных обществ (см.: *Bourdieu P. he sens pratique P., 1980*).

иначе находятся в каком-то месте и, скажем, одна только необходимость выборки или фиксирование места интервью, или организация места для экспериментальной группы не дадут нам забыть о пространстве. Так же и в области более общей теории пространству отдадут должное специалисты по городской среде или миграциям.

Что же происходит на уровне самых общих теорий? Почему телесность человека здесь тоже приходится "вспоминать заново", отвоєывая место для социологии тела?¹ Видимо, дело в том, что для определенного типа рассуждений эта зримая телесность не имеет значения. Любопытно, что никто таким же образом не отрицает значения времени для социологии. Это заставляет нас предположить, что существуют два основных типа рассуждений, различия между которыми непременно проявляются на уровне общей теории, но далеко не всегда на уровне более конкретных исследований. Эти два типа теоретизирования мы предлагаем называть "социологией пространства" и "социологией времени"².

Решение в пользу *социологии* времени означает, что поведение людей, их действия интересуют социолога как "осмысленные действия", что главное для него, говоря словами М.Вебера, "субъективно значимый смысл". Фактически происходящее совершается в настоящем. Прошлое и будущее — это смысловые проекции. Но смысловое есть нечто *нетелесное*. Смысл существует не в теле (хотя выражен только через материально-телесные носители), т.е. не имеет места в пространстве. Решение в пользу *социологии* пространства означает, что социолог делает акцент на телесный аспект взаимодействия. *Тело размещено в пространстве*. Социология пространства связана с социологией тела; социология времени — с социологией смысла. Поэтому социологи, заинтересованные в первую очередь в исследовании самостоятельной значимости культуры, смысловых образцов и т.п., больше ориентированы на время. Напротив, те, кто больше значения придает телесности, потребностям, власти, ориентированы на пространство. Социология смысла видит в человеке не просто тело (ведь желания, аффекты и т.п. имеют *также и* телесное происхождение и — Непременно! — *также и* телесное выражение), но именно пространственно размещенное тело или хотя бы созерцающий пространство

¹ См. достаточно полный обзор подходов в: The Body. Social Process and Cultural Theory /Ed. M.Featherstone, M.Hepworth, B.S.Turner. L.; etc., 1991.

² Подробнее это различие, а также приводимое ниже членение созерцаний Пространства обоснованы в моих статьях: *Филлипов А.Ф.* Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1; *Филлипов А.Ф.* Смысл империи: К социологии политического пространства // Иное. Т. 3. Россия как идея. М., 1995).

дух¹. Совершая действие, человек сопрягает с ним смысл, — но смысл непространствен! Ментальные характеристики не нуждаются в определении места. А ведь именно на этом и держится mainstream в социологии.

Для того чтобы не обращать внимания на тело/место действующего, необходимо, конечно, определенное видение социальности — не обязательно идеалистическое. Скорее всего, с ним тоже сопряжено определенное пространственное представление — только это представление не о конкретном месте, а о пространстве очень обширном, в принципе, охватывающем весь мир. Объясним это положение, вводя следующие принципиальные различия.

Мы принимаем как не требующее доказательств то, что некое пространство всегда доступно созерцанию и воображению и в этом смысле не нуждается в определениях. Таким образом, мы различаем чисто логические (логико-математические и т.п.) определения пространства и то, что в принципе доступно наглядному представлению. Мы различаем далее значение пространства в зависимости от перспективы наблюдателя. Мы различаем перспективу наблюдения с точки зрения социолога, не участвующего в наблюдаемых коммуникациях (это теоретическая фикция, но как таковая она значима для наблюдения) и перспективы наблюдения самих участников коммуникации. Мы различаем, наконец, понятие пространства в собственном смысле (пространство тел, имеющих форму и дистанцированных друг от друга) и понятие пространства в метафорическом смысле (наглядное отображение произвольно избираемого многообразия). Сформулируем теперь некоторые из этих различий более подробно.

1. Наблюдатель социальных событий может усмотреть, что тела участников социального взаимодействия неким образом пространственно размещены относительно друг друга, причем их взаимная близость или удаленность значимы для взаимодействия.

1.1 Наблюдатель принимает в расчет не пространство взаимодействия, каким его видит он сам, но значение, какое придают пространству вообще и пространству взаимодействия в частности участники взаимодействия. Он отличает, таким образом, свое видение пространства от социальных представлений о пространстве.

1.2. Наблюдатель различает два вида социальных представлений о пространстве: само собой разумеющееся для участников взаимодействия пространство и пространство как смысловую тему, как нечто обсуждаемое, структурирующее коммуникацию.

¹ На чем и строится кантианская социология пространства Зиммеля. См. *Simmel G. Der Raum und die räumlichen Ordnungen der Gesellschaft // Simmel G. Soziologie. Gesamtausgabe Bd. 11. Frankfurt a.M., 1992 S 687—790; Idem. Soziologie des Raumes // Simmel G. Gesamtausgabe. Bd. 8.*

Социолог различает, таким образом: а) свое видение пространства; б) социальное значение пространства, не рефлектируемое участниками взаимодействия, но принципиально важное для них; в) пространство как оно осознается и обсуждается этими последними.

2. От объективного размещения тел и способов его тематизации наблюдатель отличает множество социальных определений участников взаимодействия и метафорически говорит о социальном пространстве как порядке социальных позиций¹.

3. Пространство может рассматриваться и как нечто обозримое, как место данного тела или тел, и как большое пространство, обнимающее собой непосредственно созерцаемые места. Большое пространство, в свою очередь, может быть охарактеризовано как совокупность или вместилище мест, и как необозримое, в принципе непостижное для созерцания. Такое различие (пространство как место / пространство как вместилище мест / пространство как понятие или идея) должно быть проведено в рамках каждого из названных выше различий.

Для сравнения здесь будет уместно привести основополагающие различия, предложенные АЛефевром в его классической работе "Производство пространства". Лефевр выделяет "пространственную практику", "представления (репрезентации) пространства" и "пространство репрезентации"². Пространственная практика вычленяет пространство определенного общества; представления о пространстве — это пространство концептуализированное, пространство ученых, планировщиков и т.д. Пространство репрезентации проживается непосредственно; это пространство образов и ассоциаций тех, кто "пользуется им", а также, быть может, некоторых художников, писателей и философов.

"Чтобы понять эти три момента социального пространства, было бы полезно принимать во внимание *тело*. Тем более, что отношение

к пространству "субъекта", который является членом группы или общества, предполагает его отношение к своему собственному телу и наоборот. В общем и целом, социальная практика предполагает использование тела: рук, [других] членов тела и органов чувств, а также трудовых жестов как деятельности, не связанной с трудом. это область *воспринимаемого* (практический базис восприятия внешнего мира, если выразить это в психологических терминах). Что касается репрезентаций тела, то они вытекают из накоплен-

¹ Конечно, и сами участники взаимодействия могут воспринимать и трактовать пространство как пространство позиций, особенно, если пространство позиций совпадает с пространством размещений (типичные примеры — расположение кабинетов в организации, столицы и провинции и т.п.). Но это — частный случай взаимоотношения более общих различий

² *Lefebvre H. Op cit. P 38—39.*

ного научного знания, распространяющегося с примесью идеологии... Со своей стороны, *проживаемый* телесный опыт, возможно, наиболее сложный и наиболее специфичный, поскольку здесь вмешивается "культура" с ее иллюзорной непосредственностью...¹

Есть определенное соответствие между различиями, предложенными нами, и тем, что предлагает Лефевр. Важнее всего у него, конечно, разведение дискурсивной и недискурсивной идеи пространства по контрасту с непосредственным опытом тела. Впрочем, эта концепция заслуживает более подробного обсуждения.

Обратим теперь внимание на последнее из наших различий. Мы видели, что социология пространства преимущественно имеет дело с местами или местами мест. Между тем, уровень фундаментальных социологических рассуждений, на котором и формулируются базисные категории, свободен от такой конкретики, а представление о большом, объемлющем пространстве не концептуализируется ни социологией смысла (в принципе ориентированной на иное), ни социологией тела (ибо в большом пространстве эта телесность редуцируется чуть ли не до математической точки). Иными словами, за ориентацией на культуру, ценности, дискурс и даже "социальное пространство" стоит нетематизируемая *идея* пространства столь объемлющего, что оно позволяет пренебрегать значением места (в понятиях Лефевра, которые, впрочем, кажутся нам здесь менее точными, чем наши различия, можно было бы сформулировать это так: пространство репрезентации определяется символами и традицией западной культуры). Мы можем предположить, что это идея "мирового" или "глобального" общества. Точнее не специфицируемое "общество как таковое" предполагает "человека как такового", "интеракцию как таковую" и т.д. лишь постольку, поскольку его место — везде. Локальные сообщества привязаны к своей местности, города не просто занимают местоположение, но и организуют пространства; государства немислимы без особого признака: ограниченной территории. А вот, скажем, нормы интернализируются просто в обществе, пространственно не определенном (конечно, в семье, с ее относительно постоянным местоположением, в социальной микросреде с ее пространственной определенностью и т.п., но ведь это уже совершенно конкретные механизмы; пространственный момент дополняется к понятию, но не входит в него изначально). То же самое можно сказать и для большинства других ключевых понятий.

Какое же значение имеет переориентация социологии на пространство, нужна ли она? *Во-первых*, мы можем отметить вместе с ростом интереса к пространству также и рост интереса к кон-

Lefebvre H. Op cit P 40.

кретным, обозримым местам обитания человека, к локальным сообществам разного рода. Происходит как бы "контрреволюция" *Gemeinschaft'a* против *Gesellschaft'a*¹. Во-вторых, уже упомянутое выше усиление интереса к телу, социология тела не может не инспирировать социологию пространства, хотя акцент на культурной определенности тела, социальной сконструированности того, что раньше казалось безусловно данным, скорее негативно сказываются на этом интересе. В-третьих, помимо уже многократно описанных тенденций к глобализации, явным образом сказываются и тенденции к образованию новых государств, самоопределения больших масс людей в рамках новых государственных границ и создания на этой основе, как говорят, "новых идентичностей". Насколько это скажется на образовании или обосновании основных социологических категорий, сказать пока трудно.

Однако тем самым наша тема отнюдь не исчерпана. Ведь, с одной стороны, "мировое общество" не только никуда не исчезло, но и стало, так сказать, более явным с развитием новых средств всемирной коммуникации и вовлечением в эту коммуникацию все новых, прежде лишь в принципе, но отнюдь не фактически, доступных для нее областей. С другой же стороны, именно нынешнее развитие показывает, что, помимо мирового общества, есть еще нечто, со времен немецких геополитиков называемое "большим пространством"². Мы процитируем взвешенный анализ этой работы из книги "Легитимность и легальность" современного немецкого историка права Х.Хофмана: «Принцип большого пространства права народов определяется ... как "соединение политически пробудившегося народа, политической идеи и находящегося под политическим господством этой идеи, исключая чуждые интервенции пространства". Это соединение большого пространства, народа и политической идеи обозначается, с другой стороны, и как "империя"... Поэтому категорию большого пространства следует понимать не географически-статически, а исторически-динамически; ее, сле-

¹ Напомним, что, по Теннису, сообщество, интуитивно созерцаемое как целостность, в одном из случаев именно пространственно определено (общность местоположения, или соседство), а в другом — явно предполагает такую определенность (общность духа, проявляющаяся, например, в дружбе граждан города-государства). Вместе с тем самое плотное сообщество — общность по крови — остается таковым, даже если члены его разбросаны по разным странам, хотя непосредственно местом его является дом, домохозяйство. Общество же, в принципе, беспредельно. Это всемирный процесс обмена, предполагающий в будущем всемирное же государство (см: *Tonnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Achte, verbesserte Auflage. Leipzig, 1935*)

² К сожалению, мы здесь можем сослаться лишь на очень одиозный текст. В 1939 г. К.Шмитт (что инкриминировалось ему шесть лет спустя) написал брошюру "Порядок большого пространства в праве народов с запретом на интервенцию для пространственно чуждых сил" (*Schmitt C. Die volkerrechtliche Grosraumordnung mit Interventionsverbot fur raumfremde Mächte 3 Aufl. B., 1941*).

довательно, нельзя рассматривать по аналогии с категорией государственной территории»¹. Если перевести чересчур патетические формулы геополитики на язык социологии, то можно будет сказать, что определенные географические области а,) четко не фиксированы, не размечены признанными границами и т.п.; б) динамичны, изменчивы даже в самых зыбких своих очертаниях; в) часто объявляются зонами интересов, влияния и т.п. разных стран; г) часто служат областью возникновения одних и распада других государств; д) заявления о значимости этих областей для тех или иных стран, сделанные их публичными политиками, могут служить основой для социальной, политической и военной мобилизации населения этих стран, до того индифферентного к этой проблематике; е) часто такие области представляют собой область воздействия империй или сами являются империями в момент зарождения или упадка.

Почему так важно исследование этой темы, дополнительно обосновывать не надо. Почему так важно и вместе с тем так сложно именно социологическое ее исследование, вытекает в первую очередь из пункта "д". Дело в том, что социолог как раз и изучает способы мобилизации коллективного действия, а также то, почему эта мобилизация в определенный момент не удается (как не удалось, например, поднять население СССР на борьбу против распада страны). Однако мы уже установили выше, что большое пространство, не определяемое ни как место, ни как место мест, но выступающее, скорее, как идея протяженности или вместилища, само по себе чаще всего не рефлектируется, не осознается и никак с конкретными механизмами, обуславливающими социальное действие, не сопрягается.

В связи с этим для нас наибольший интерес представляет не то, что глубже всего залегает и, возможно, стратегически определяет действие. Здесь потребовались бы сложные методики, чтобы выявить — в массовом порядке — пространственные представления у массы людей, к тому же еще и в динамике. А если бы даже и это получилось, то пришлось бы еще допустить, что самое главное в определении пространства всегда остается в индивидуальном сознании, а не рождается в самой коммуникации. Между тем это последнее предположение с точки зрения современной социологии представляется более близким к истине. Значит, не глубинный анализ индивидуальных сознаний, но нечто иное позволит исследовать эту проблему.

Мне кажется, что самый надежный путь — это изучение публичной коммуникации. Публичная коммуникация имеет тот недостаток, что фундаментальные, нерелефлексивные вещи в ней приобретают

¹ *Hoffmann H* Legitimitat gegen Legathtat Der Weg der politischen Philosophie Carl Schmitts B, 1964

слишком уж явный, если не сказать поверхностный характер. С уровня предполагаемых причин мы выходим на уровень следствий, уходя от порождающих механизмов, оказываемся на уровне явлений. А поскольку коммуникация такого рода не может быть массовой, то и умозаключения от факта коммуникации к гипотетическому состоянию умов в целом всегда будут малоказательны. Однако у публичной коммуникации есть и несомненные достоинства. Во-первых, многое из того, что не рефлектируется индивидуальным сознанием, присутствует в коммуникации и только в коммуникации. Во-вторых, коммуникация позволяет нам проявить ту связь, которая существует между дорефлективным представлением о большом пространстве и мотивационными механизмами, благодаря которым тема "пространство" начинает играть существенную роль. В-третьих, поскольку коммуникация находится у истоков мотивации и, следовательно, действия, то, исследуя ее, мы наблюдаем, как *конструируется, производится* (говоря словами Лефевра) пространство. В-четвертых, наконец, мы можем воспользоваться теоретическими ресурсами как социологии тела, так и социологии смысла.

Вот это последнее обстоятельство крайне важно! Ведь мы — именно как социологи — не исследуем большое пространство как место или место мест. Для нас это — идея, ставшая смысловой темой и снабжаемая, в ходе коммуникаций, мотивационными механизмами. Вся проблематика понимания, смыслового строения социальности, ценностных представлений и т.д. и т.п. оказывается не противоположной социологии пространства, но тесно связанной с ней. Решение сложных теоретических проблем социологии и социологический вклад в исследование острых геополитических проблем лежат, таким образом, в одном и том же русле.